

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-31-49

EDN: KHWMSR

Научная статья / Research article

Гибридные войны и специальные операции в контексте воздействия на систему обеспечения национальной безопасности: взгляд из Китая

Л.Г. Абдрахимов ¹, А.О. Ликсок²

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

²Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ,
Москва, Российская Федерация

 van.leonid@mail.ru

Аннотация. Проблематика гибридных войн, гибридных операций, гибридного воздействия приобрела особую значимость в контексте осложнившейся геополитической обстановки в мире после февраля 2022 г. Авторская гипотеза состоит в том, что вынуждение России к началу может трактоваться как один из инструментов гибридного воздействия США на КНР. В ходе работы были применены методы контент-анализа концептуально-доктринальных и нормативных документов, анализ подходов китайских ученых, политических и военных деятелей на гибридные войны и операции, а также публикации авторитетных СМИ по данной проблематике. В результате сделан вывод о том, что в китайском понимании проведение гибридных войн и операций становится основной формой противостояния между государствами и блоками государств на современном этапе. При этом гибридное воздействие оказывается на систему обеспечения национальной безопасности, которая в свою очередь должна эффективно противостоять «традиционным и нетрадиционным» угрозам и вызовам, которые и являются гибридными. Китайские специалисты отмечают, что существует риск недооценки ответственности за возможный глобальный конфликт, который может быть вызван неадекватным проецированием гибридных угроз на какую-либо страну или группу стран. Автор также приходит к выводу о том, что мы можем наблюдать одну из последних стадий разворачивания гибридной войны США против КНР.

© Абдрахимов Л.Г., Ликсок А.О., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: гибридная война, гибридная операция, гибридная угроза, доктрина Герасимова, китайский подход, Китай, КНР, национальная безопасность, система обеспечения национальной безопасности, военная стратегия, угроза, вызов, конфликт

Для цитирования: *Абдрахимов Л.Г., Ликсоок А.О.* Гибридные войны и специальные операции в контексте воздействия на систему обеспечения национальной безопасности: взгляд из Китая // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология.* 2024. Т. 26. № 1. С. 31–49. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-31-49>

Hybrid Warfare and Operations in the Context of the National Security System: A Chinese Perspective

Leonid G. Abdrakhimov¹ , Alina O. Liksook²

¹*RUDN University, Moscow, Russian Federation*

²*Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*

 van.leonid@mail.ru

Abstract. The relevance of the topic of the study lies in the fact that the problems of hybrid warfare, hybrid operations, hybrid influence have become especially important in the context of the complicated geopolitical situation in the world after February 2022. In the author's opinion, Russia's forced conduct of the Special military operation is one of the tools of the US hybrid influence on China. In the study several methods were applied: the content analysis of conceptual-doctrinal and normative documents, analyzed the views of Chinese scientists, political and military figures on hybrid warfare and operations, as well as publications of authoritative media on this issue. As a result, it is concluded that in the Chinese understanding hybrid wars and operations are becoming the main form of confrontation between states and blocs of states. At the same time, the hybrid impact is exerted on the national security assurance system, which should effectively counter "traditional and non-traditional" threats and challenges, that are hybrid. Chinese experts note that there is a risk of underestimating the responsibility for a possible global conflict, which may be caused by inadequate projection of hybrid threats onto a country or group of countries. The author also concludes that we may be witnessing one of the last stages of the unfolding U.S. hybrid war against China.

Keywords: hybrid warfare, hybrid operation, hybrid threat, Gerasimov's doctrine, Chinese approach, China, PRC, national security, national security system, military strategy, threat, challenge, conflict

For citation: Abdrakhimov, L.G., & Liksook, A.O. (2024). Hybrid warfare and operations in the context of the national security system: A Chinese perspective. *RUDN Journal of Political Science*, 26(1), 31–49. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-31-49>

Введение

Что такое современная война? К чему должна быть готова армия и государство? Именно эти вопросы поставил начальник Генерального штаба ВС РФ генерал армии Валерий Герасимов в 2013 г. в материале, опубликованном на портале

«Военно-промышленный курьер»¹, который лег в основу так называемой «доктрины Герасимова»² или доктрины ведения гибридных войн и операций.

Однако В.В. Герасимов не был первым, кто поставил эти вопросы и сформулировал императив адаптации стратегической военной доктрины к новой эпохе, характеризующейся экономической, технологической взаимосвязанностью и важностью субгосударственных и надгосударственных акторов в обеспечении или ослаблении безопасности национальных государств.

Понятие гибридной войны в последнее десятилетие прочно обосновалось в политической риторике на Западе и в России. Российские эксперты «справедливо указывали на его размытость, пересечение с другими понятиями (например, «иррегулярные войны»)»³ [Коньшев, Парфенов 2019]. Тем не менее широкое распространение термина трудно назвать случайным⁴.

В основном это связывают с конфликтом России со странами Запада, обострившимся на фоне украинского кризиса в 2014 г. и резко набравшим обороты после начала специальной военной операции (СВО) в 2022 г. Этот конфликт имеет все *признаки гибридной войны*, среди которых: латентность, использование информационных технологий (кибератак, фейков и пропаганды), неформальных сил (наемников, террористических групп или прокси-армий), экономического давления (санкции, блокады), чтобы ослабить противника. Термин «гибридность» подразумевает производное от двух разных видов объектов. В случае гибридной войны — это смешение силового и несилового инструментариев воздействия.

Российская сторона акцентирует внимание на масштабной военной помощи Украине со стороны Запада, активной антироссийской пропаганде в западных глобальных СМИ, попытках манипулировать общественным мнением, разжигать и направлять социальные протесты, прямо или косвенно содействовать смене систем в соседних странах, а также в самой России, использовании односторонних санкций, преследовании россиян за рубежом, продвижении нетрадиционных ценностей, атаках на Православную церковь и т.п. Со своей стороны в СМИ стран Запада в последнее десятилетие почти любой негативный инфоповод обсуждается в контексте «русского следа».

¹ Ценность науки в предвидении 27.02.2013 // Военно-промышленный курьер. URL: https://vpk.name/news/85159_cennost_nauki_v_predvidenii.html (дата обращения: 11.09.2023).

² «Доктрина Герасимова» — мифологема о внешнеполитической программе и стратегии военных действий РФ, которую за пределами России приписывают начальнику Генерального Штаба РФ В.В. Герасимову. «Доктрина» переосмысливает современное понятие межгосударственного конфликта и военные действия ставит в один ряд с политическими, экономическими, информационными, гуманитарными и другими невоенными мероприятиями. Подробнее см.: Кофман М. Миф о «доктрине Герасимова». 05.02.2018. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/mifo-doktrine-gerasimova/?ysclid=lr77bnoej478469184> (дата обращения: 11.09.2023).

³ Топычканов П. «Гибридная война» — научный термин или пропагандистский штамп? 20.07.2015. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gibridnaya-voyna-nauchnyy-termin-ili-propagandistskiy-shtamp/> (дата обращения: 11.09.2023).

⁴ Тимофеев И. Гибридная война и гибридный мир. 04.10.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gibridnaya-voyna-i-gibridnyy-mir/> (дата обращения: 11.09.2023).

Вместе с тем параллельно развивается гибридное соперничество Китая и США. И на региональном уровне ведется множество гибридных войн — в Закавказье, на Ближнем Востоке, в Латинской Америке, Африке и Азии. Сегодня гибридные войны приобретают новое качество с учетом беспрецедентной взаимозависимости, развития информационных технологий, инструментов социального контроля и других факторов.

Более того, гибридные войны — или по крайней мере гибридные операции — возможны даже между союзниками. Например, США и Турция являются союзниками по НАТО. Однако Вашингтон использует экономические санкции против Анкары, отдельных лиц и организаций, поддерживает антитурецкие силы. Периодически случаются скандалы с секретным прослушиванием лидеров союзных стран. Демократические выборы омрачаются негласным участием разведок, лоббистских группировок, этнических землячеств, действующих в интересах своих стран. Широкое применение инструментов гибридной войны, которые никак не ограничены международными нормами и правилами, в современных международных отношениях возвращает нас к де-факто гоббсовскому состоянию войны всех против всех, когда отношения между государствами обречены на анархию. Состояние мира временно, и в любой момент ситуация может перейти в состояние войны.

Понятие «гибридная война» в политической мысли Запада и Востока

Понятие гибридной войны насчитывает долгую историю формирования. Так, древний китайский военный стратег Сунь Цзы утверждал, что «высшее военное искусство — покорить врага без боя», а также что «война — это путь обмана»⁵.

В настоящее время гибридные войны становятся одним из самых перспективных направлений научных исследований. Внимание к феномену «гибридной войны» проявляют большей частью ученые-исследователи и эксперты (в основном военные) из США, ЕС [Libiseller 2023;], Китая [Го 2022] и РФ [Suchkov 2021; Гончаренко 2022; Манойло, Гончаренко 2023, Репко 2017 и др.]. Особое место в англоязычной литературе занимают публикации о потенциале и инструментах ведения гибридных войн Россией [Bukkvoll, Østensen 2020; Potočňák, Mareš 2022; Gould-Davies 2023; Larsen 2023; Kormych, Malyarenko 2023; Muradov 2022].

После присоединения Крыма в марте 2014 г. идея «гибридной войны» получила широкое распространение как в научных, так и в политических кругах на Западе и в РФ как концепция, которая объясняет успех российских военных в этом конфликте [Renz 2016]. В этих научных публикациях и политических документах приводится множество различных определений и концепций,

⁵ Сунь Цзы китайский стратег и мыслитель, живший в VI в. до н. э.: трактат *Искусство войны* в переводе академика Н.И. Конрада. URL: <https://asagao.nethouse.ru/static/doc/0000/0000/0218/218623.q6tphimoyt.pdf> (дата обращения: 09.03.2022).

позволяющих понять смысл гибридной войны, гибридных операций и гибридной воздействия [Janičatová, Mlejnková 2021].

По определению А. Билаля, «гибридная война — это взаимодействие или сочетание обычных и нетрадиционных инструментов силы и диверсионных действий, при котором происходит смешение этих инструментов или средств, чтобы воспользоваться уязвимыми сторонами соперника для достижения синергетического эффекта»⁶. При этом он выделяет две характерные черты гибридной войны: во-первых, граница между войной и миром четко не просматривается; во-вторых, страна, которая подвергается атаке, либо не способна выявить гибридное нападение, либо не способна установить, на каком государстве лежит ответственность за нанесение или спонсирование этого удара⁷. Поскольку гибридная война предполагает нечеткое разграничение между политической активностью и военными действиями, то в этом смысле вся политика может быть сведена к потенциальной фазе наращивания полномасштабной конфронтации [Malksoo 2018].

НАТО использует термин «гибридная война» в своих стратегических документах и декларациях саммитов [Caliskan, Liégeois 2021], также этот термин официально принят в основных стратегических документах ЕС и национальных правительств [Caliskan 2019]. В России в официальных документах (Концепции внешней политики РФ⁸, Военной доктрине РФ⁹) понятие гибридной войны практически отсутствует.

В России только с 2014 г. начали широко публиковаться отечественные исследовательские работы, посвященные феномену гибридной войны. Ранее тема интересовала узкий круг специалистов, рассматривавших гибридную войну не как самостоятельное явление, а в контексте смежных тем [Гареев 2003; Гареев, Турко 2017]. В связи с этим И. Тимофеев (РСМД) считает, что «пока это понятие действительно страдает избыточной размытостью. Оно скорее пригодно для публицистики, нежели для науки. Однако явления, которые охватываются определением „гибридная война“, требуют рефлексии и более строгой проработки данного концепта»¹⁰. Важным дополнением к определению гибридных войн, предложенным И. Тимофеевым, является «политическое использование критических узлов» в «плотных сетях взаимозависимости, которые базируются на тех или иных глобальных благах — финансовых услугах, социальных сетях, цифровых сервисах, цепочках добавленной стоимости, производственных

⁶ Билал А. Гибридная война: новые угрозы, сложности и «доверие» как антидот 30.11.2021. URL: <https://www.nato.int/docu/review/ru/articles/2021/11/30/gibridnaya-vojna-novye-ugrozy-sloyonosti-i-doverie-kak-antidot/index.html> (дата обращения: 11.09.2023).

⁷ Там же.

⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) (понятие «гибридная война» использовано 1 раз в п.13 в описании политики США в отношении РФ)

⁹ Военная доктрина Российской Федерации от 5 февраля 2010 г.

¹⁰ Тимофеев И. Гибридная война и гибридный мир 04.10.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gibridnaya-vojna-i-gibridnyy-mir/> (дата обращения: 11.09.2023).

связях и прочем»¹¹. Таким образом, потенциал гибридного воздействия и одновременно защиты от гибридных угроз — развитие собственных, суверенных сетей, услуг и сервисов. Всем этим в последнее десятилетие активно занимается Россия, но пока она заметно уступает в этом Китаю, который способен обеспечить себе и партнерам технологическую альтернативу.

Понятие «гибридная война» в современном научном и политическом дискурсе Китая

В последние несколько лет понятие «гибридная война» (混合战争 *hùnhé zhànzhēng*) получило широкую популярность и в КНР: он активно обсуждается в китайских СМИ, в профессиональных экспертных сообществах и на высоком политическом уровне [Го 2022]. Исследования в этой области в КНР строятся вокруг необходимости создания эффективной системы обеспечения национальной безопасности (СОНБ). Однако, по мнению западных специалистов [EGE 2020], эти исследования могут использоваться и для реализации китайского регионального и глобального доминирования.

В контексте нарастающей гибридизации мировой политики «гибридная война» воспринимается китайскими экспертами как стратагема (т.е. заранее определенная последовательность действий, направленная на решение конкретной задачи или достижение неявной цели с учетом психологических наклонностей объекта и особенностей ситуации) организации борьбы с современными диверсифицированными угрозами национальной безопасности (国家安全 *guójiā ānquán*). Как считают китайские специалисты, концепция «гибридной войны» была впервые предложена США и до совершенства была доведена именно Россией, которая, используя теорию гибридной войны США, применила ее на практике в гибридных операциях в Сирии, Ливии и других регионах [Го 2022].

КНР уже в течение нескольких лет, начиная с президентства Д. Трампа, живет в состоянии, которое может быть описано в терминах гибридной войны с США. Еще совсем недавно она принимала форму острого торгового («санкционного») противостояния. Сегодня же гибридная война США против Китая ведется в основном в сфере информационных операций. Однако в преддверии президентских выборов США 2024 г. и особенно после них форматы этого гибридного противостояния имеют шансы диверсифицироваться. В этих условиях Китаю жизненно необходимо не только перенять лучший опыт ведущих стран мира в сфере ведения наступательной и оборонительной гибридной войны, но и научиться применять методы и технологии гибридных войн на практике [Го 2022]. С этой целью китайские авторы стремятся концептуализировать это понятие применительно к китайской политико-философской традиции.

Долгое время китайские ученые использовали понятие «гибридная война» применительно к политике стран Запада. Как следствие, упоминание гибридных

¹¹ Тимофеев И. Гибридная война и гибридный мир. 04.10.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gibridnaya-voyna-i-gibridnyy-mir/> (дата обращения: 11.09.2023).

войн в китайских источниках вплоть до недавнего времени носило отрывочный и фрагментарный характер, принимая форму интерпретации подходов отдельных экспертов из США и России [Дуань Цзюньцзе 2017; Ван Сяоцзюнь 2016; Ма Цзяньгуанб Ли Юаньбин 2021; Гао Кай, Чжао Линь 2019]. Однако в последние несколько лет тематика получила развитие в КНР [Чжан Хуэй и Лю Цзюньбяо 2017, Хань Айюн¹², Ван Баофу¹³].

В своих работах они подчеркивают, что собственного систематизированного изложения теории гибридной войны китайская политическая наука пока не сформулировала. Авторы используют термин «неограниченные» (超限战) войны [Го 2022], а также «нетрадиционные вызовы безопасности» (非传统安全挑战) и «нетрадиционные угрозы безопасности» (非传统安全威胁). Нетрадиционные угрозы безопасности являются относительными по отношению к традиционным угрозам безопасности и относятся к факторам, помимо военных, политических и дипломатических конфликтов, представляющим угрозу выживанию и развитию суверенных государств и человечества в целом. К нетрадиционным угрозам безопасности относятся угрозы экономической безопасности (经济安全), финансовой безопасности (金融安全), экологической безопасности (生态环境安全), информационной безопасности (信息安全), ресурсной безопасности (资源安全), терроризм (恐怖主义), распространение оружия (武器扩散), распространение болезней (疾病蔓延), транснациональная преступность (跨国犯罪), контрабанда и наркотрафик (走私贩毒), нелегальная иммиграция (非法移民), пиратство (海盗) и отмывание денег (洗钱)¹⁴.

В контексте Концепции комплексной национальной безопасности (总体国家安全观) КНР сформулировано, что «традиционная и нетрадиционная безопасность переплетаются, трансформируются и подменяют друг друга, а способность страны интегрировать традиционную и нетрадиционную безопасность является прямым отражением уровня ее потенциала управления национальной безопасностью»¹⁵. В политическом дискурсе КНР эти понятия появляются в докладе XX съезда Коммунистической партии Китая (КПК) (далее — Доклад), в котором отдельное место посвящено национальной безопасности, сказано, что «партия и государство придают большое значение вопросам национальной безопасности, при этом партия и государство полны решимости содействовать модернизации системы и потенциалам национальной

¹² 韩爱勇《混合战争：国家安全面临的新挑战》，载学习时报2019年01月18日。[Хань Айюн. Гибридная война: новый вызов национальной безопасности // StudyTimes. 2019]. URL: http://152.136.34.60/html/2019-01/18/nw.D110000xxsb_20190118_1-A2.htm (дата обращения: 11.08.2023).

¹³ 王宝付《混合战争：战争演进的新形态》，载《光明日报》2016年04月06日第11版2 [Ван Баофу. Гибридная война: новая форма эволюции войны // GuangmingDaily. 2016]. URL: https://epaper.gmwcn/gmrb/html/2016-04/06/nw.D110000gmr_20160406_1-11.htm (дата обращения: 11.11.2023).

¹⁴ Нетрадиционные угрозы безопасности. Проблемы, связанные с нетрадиционными угрозами безопасности. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E9%9D%9E%E4%BC%A0%E7%BB%9F%E5%AE%89%E5%85%A8%E5%A8%81%E8%83%81/2744464> (дата обращения: 11.11.2023).

¹⁵ Пересечение границ: реальные вызовы безопасности человека и картина будущего URL: <http://www.rmlt.com.cn/2022/0627/650248.shtml> (дата обращения: 11.11.2023).

безопасности, решительно защищать национальную безопасность и социальную стабильность»¹⁶. Среди «нетрадиционных угроз» в Докладе выделены продовольственная и энергетическая безопасность, безопасность обеспечения важных промышленных цепочек, безопасность интересов за рубежом и социальная безопасность, а также научно-техническая, культурная и экологическая безопасность¹⁷. То есть происходит переход от понимания нетрадиционных аспектов безопасности от реактивных к проактивным, и от внутрикитайских к внешнеэкономическим и внешнеполитическим. Таким образом, можно заключить, что «гибридная» тематика в китайском научном и политическом дискурсе выстраивается вокруг понятий традиционных и нетрадиционных угроз и вызовов в русле системного понимания противодействия этим явлениям в рамках обеспечения национальной безопасности.

Понятие «гибридная война» и система обеспечения национальной безопасности (СОНБ) КНР

По словам К. Клаузевица [2018], «война есть не что иное, как продолжение политики иными средствами». С наступлением эпохи гибридных войн репертуар средств ведения войны стал значительно шире и граница между политикой и войной стремится к исчезновению.

Гибридная война обеспечивает возможность лишить противника безопасности на фронте и в тылу одновременно: политические, военные, экономические, социальные, информационные и инфраструктурные точки уязвимости государства подвергаются атаке таким образом и в таком сочетании, что государство ощутимо и функционально ослабевает¹⁸. Поэтому противодействие гибридным угрозам, по словам Ван Баофу, — это не только вопрос военной стратегии, но комплексный вопрос национальной безопасности¹⁹. Исходя из этого, страны создают системы обеспечения национальной безопасности (СОНБ), которые представляет собой «совокупность органов, сил и средств обеспечения национальной безопасности, мер политического, правового, организационного, экономического, военного и иного характера, направленные на обеспечение безопасности личности, общества и государства»²⁰. В Китае СОНБ включает в себя ряд подсистем: обеспечения правопорядка, выработки стратегий, а также

¹⁶ Доклад Си Цзиньпина на 20-м съезде Коммунистической партии Китая. URL: <https://www.12371.cn/special/20da/bg/> (дата обращения: 23.11.2023).

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Билал А.* Гибридная война: новые угрозы, сложности и «доверие» как антидот. 30.11.2021. URL: <https://www.nato.int/docu/review/ru/articles/2021/11/30/gibridnaya-vojna-novye-ugrozy-sloyonosti-i-doverie-kak-antidot/index.html> (дата обращения: 23.11.2023).

¹⁹ 王宝付. “混合战争” 战争演进的新形态载 “光明日报” 2016年04月06日第11版, [Ван Баофу. «Гибридная война»: новая форма эволюции войны // *Guangming Daily*. 2016. № 11]. URL: https://epaper.gmw.cn/gmrb/html/2016-04/06/nw.D110000gmrb_20160406_1-11.htm. (дата обращения: 02.11.2023).

²⁰ Система обеспечения национальной безопасности // Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: <https://bigenc.ru/text/5033714> (дата обращения: 15.11.2022).

политическую систему, систему мониторинга рисков и раннего предупреждения, систему управления чрезвычайными ситуациями, а также систему гарантий безопасности в ключевых областях и систему координации и управления»²¹.

Процесс построения СОНБ и внимание к национальной безопасности как системному явлению вообще в Китае стало особенно динамично развиваться после прихода к власти Си Цзиньпина в 2013 г. Более того, национальная безопасность стала рассматриваться как «основа национального возрождения, а социальная стабильность — предпосылкой национальной силы»²². Получила воплощение Концепция комплексной национальной безопасности с опорой на *принцип народной безопасности*, политической безопасности — как фундамента, экономической безопасности — как основы, военной, научно-технической, культурной и социальной безопасности — как гарантии, а также продвижения международной безопасности и интеграции внешней и внутренней, традиционной и нетрадиционной безопасности»²³. Таким образом, Концепция стала первым открытым концептуально-доктринальным документом, который системно излагает взгляд КПК на СОНБ Китая. Более того, в нем постулируется, что это «первая в истории партии крупная стратегическая идея, ставшая руководящей идеологией в работе по обеспечению национальной безопасности, кристаллизация практического опыта и коллективной мудрости КПК и китайского народа в вековой борьбе за суверенитет, безопасность и интересы развития страны, последнее достижение в китаизации марксистской теории национальной безопасности, важная часть мысли Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой для новой эпохи, а также фундаментальный ориентир для работы по обеспечению национальной безопасности и руководство к действию в новую эпоху»²⁴.

Концепция содержит десять принципов: «1) приверженность абсолютному руководству партии в работе по обеспечению национальной безопасности; 2) приверженность курсу национальной безопасности с китайской спецификой; 3) приверженность цели обеспечения безопасности народа; 4) приверженность интеграции развития и безопасности; 5) приоритет политической безопасности; 6) приверженность комплексному обеспечению безопасности во всех областях; 7) приоритет предотвращения и устранения рисков национальной безопасности; 8) продвижение общей международной безопасности; 9) содействие модернизации системы и потенциала национальной

²¹ Чжао Лэй. Твердое продвижение модернизации системы и возможностей национальной безопасности. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2022/1107/c40531-32560179.html> (дата обращения: 02.12.2022).

²² Си Цзиньпин подчеркнул важность продвижения модернизации системы и возможностей национальной безопасности и решительного поддержания национальной безопасности и социальной стабильности. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2022-10/16/content_5718828.htm (дата обращения: 16.10.2022).

²³ Там же.

²⁴ Си Цзиньпин о социализме с китайской спецификой. URL: <https://www.12371.cn/special/hxzhd/hxnr/aqg/> (дата обращения: 16.10.2023).

безопасности; 10) укрепление кадрового потенциала национальной безопасности»²⁵. Таким образом, этот документ затрагивает двадцать сфер СОНБ, которые перечислены в порядке иерархии ценностей КНР: политическая (政治), военная (军事), территориальная (国土), экономическая (经济), финансовая (金融), культурная (文化), социальная (社会), научно-техническая (科技), сетевая (网络), продовольственная безопасность (粮食), экологическая (生态), ресурсная (资源), ядерная (核), безопасность интересов за рубежом (海外利益), космическая (太空), безопасность глубоководных морей (深海), безопасность полюсов Земли (极地), биологическая (生物), ИИ (人工智能), безопасность данных (数据)²⁶.

В результате мер по реализации Концепции в КНР начался постепенный процесс создания полноценной СОНБ с наличием подсистемы концептуально-доктринальных документов, подсистемы сил, средств и сфер: концептуально-доктринальный уровень, институциональный уровень (уровень сил), уровень средств и сфер. [Абрахимов 2023]. Таким образом, к настоящему времени в Китае выстроена система безопасности, которая учитывает все возможные традиционные и нетрадиционные угрозы и вызовы, и готова к масштабному противостоянию с недружественными ей международными акторами. Имея это в виду, можно смоделировать вероятное гибридное воздействие на нее со стороны США.

Модель вероятного поэтапного разворачивания гибридной войны между США и КНР в проекции воздействия на СОНБ КНР

Современные гибридные войны и операции между государствами не разворачиваются в одночасье. Они представляют собой последовательность этапов, которые являются взаимосвязанными и ведут к конфликту. При этом воздействие оказывается на так называемые «сети взаимозависимости», которые являются ключевыми узлами обеспечения безопасности в таких сферах СОНБ, как кибернетическая, экономическая, психологическая, геополитическая, информационно-идеологическая, географическая и др. [Гончаренко 2022].

Применяя методику поэтапного рассмотрения разворачивания гибридной войны, разработанной экспертами Военной академии Генерального штаба ВС РФ применительно к России, можно проследить процесс эскалации гибридной войны и его этапы (информационно-психологическая и внешнеполитическая фаза, экономическая и социальная фаза, прокси-силовая фаза, силовая фаза, постконфликтная фаза) [Прогнозируемые вызовы...2021], которые прослеживаются в настоящее время на примере разворачивающейся гибридной войны между США и КНР. Этапы гибридного воздействия США и их союзников на СОНБ КНР приведены в табл. 1.

²⁵ Си Цзиньпин о социализме с китайской спецификой. URL: <https://www.12371.cn/special/hxzd/hxnr/aqg/> (дата обращения: 16.10.2023).

²⁶ Там же.

Вариант поэтапного гибридного воздействия США на СОНБ КНР

Этапы	Содержание гибридного воздействия	Реализация гибридного воздействия со стороны США
1	2	3
Информационно-психологическая и внешнеполитическая фаза		
1	Оказание психологического давления на внешнеполитическом контуре через информационные и пропагандистские кампании, идеологическую пропаганду и дипломатическое давление	<ul style="list-style-type: none"> • Принятие Стратегии национальной безопасности США и Оборонной стратегии США, где Китай обозначен главным вызовом для США • Постоянное привлечение внимания к проблеме соблюдения прав человека в Синьцзяне и Тибете • Провокационный визит Н. Пелоси на Тайвань • Продвижение в СМИ идеи об экспансионистской и реваншистской природе развития современного Китая
2	Подготовка альтернативной элиты и лидеров вне страны-цели, делегитимация действующей власти	<ul style="list-style-type: none"> • Распространение материалов о так называемых «панамских» офшорных счетах Си Цзиньпина, Ху Цзиньтао и т.д. • Продолжение поддержки китайских диссидентов — Го Вэньгуй и др. • Распространение в СМИ слухов о якобы принудительном выдворении экс-главы КНР Ху Цзиньтао с XX заседания КПК • Манипулирование информацией в СМИ о якобы неслучайной смерти экс-премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна, отставками экс-главы МИД Цинь Гана и министра обороны генерал-полковника Ли Шанфу • Продолжение политических, военных и экономических контактов с Тайванем
3	Создание союзов, площадок, форматов сотрудничества со странами, которые граничат со страной-целью или находятся в сфере влияния страны-цели	<ul style="list-style-type: none"> • Разработка Индо-Тихоокеанской концепции • Создание форматов Трехстороннего пакта безопасности AUKUS (Австралия, Великобритания, США), Четырехсторонний диалог по безопасности QUAD (Австралия, Индия, США, Япония) • Создание предпосылок расширения НАТО в Тихоокеанский регион
4	Подталкивание третьих стран к активизации территориальных споров со страной-целью	<ul style="list-style-type: none"> • Поощрение стран Южно-Китайского моря (Филиппин, Малайзии, Вьетнама) к разрешению спора о так называемой «девятипунктирной линии» государственной границы Китая
Экономическая и социальная фаза		
5	Осуществление давления в экономической сфере, наложение финансовых и экономических санкций	<ul style="list-style-type: none"> • Инициирование президентом Д. Трампом «торговой войны» с Китаем • Принятие закона о запрете экспорта и передачи Китаю микрочипов и технологий их производства
6	Подрыв основных интегральных показателей экономики и социальной стабильности и радикализация настроений через диверсионные операции глобального характера	<ul style="list-style-type: none"> • Распространение в СМИ мифа о китайской («желтой») угрозе, разгон антикитайских настроений в мире • Обмен взаимными обвинениями в умышленном распространении вируса COVID–19

1	2	3
7	Создание проблем, имеющих характер «непреодолимой силы» в странах продвижения заграничных проектов страны-цели и принуждение к активизации деятельности на внешнеполитическом контуре и в военной сфере (гонка вооружений, военные учения и т.д.) страной-целью в связи с событиями в странах-союзниках, а также странах, которые являются поставщиками стратегических ресурсов	<ul style="list-style-type: none"> • Провокационная политика, усугублявшая конфликт России и Украины, в результате которого он перешел в открытую фазу (начало СВО) • Разжигание конфликтов и напряженности на Ближнем Востоке через прокси-силы • Вывод войск из Афганистана с целью дестабилизации обстановки в Центральной Азии
Прокси-силовая фаза		
8	Организация вооруженных групп из радикалов, которые направлены на захват власти в стране и переход их к активным действиям по дестабилизации обстановки в стране	Пока нет шагов к реализации
9	Переброска войск и проведение военных учений на границах государства	Пока нет шагов к реализации
Силовая фаза		
10	Установление воздушной, морской или сухопутной блокады страны-цели	Пока нет шагов к реализации
11	Полномасштабное военное вторжение	Пока нет шагов к реализации
Постконфликтная фаза		
12	Завершение и урегулирование конфликта	Пока нет шагов к реализации
13	Последовательная работа с проигравшей стороной на всех сферах СОНБ страны-цели по переформатированию под цели страны-агрессора (реформы концептуально-доктринальной подсистемы, подсистемы сил, средств и сфер, в том числе, например, проведение нормативно-правовых и языковых реформ, переписывание истории и т.д.)	Пока нет шагов к реализации

Источник: составлено авторами

A variant of the phased hybrid impact of the United States on the China’s national security system

Stages	The content of the hybrid impact	Implementation of a hybrid impact from the United States
1	2	3
Informational, psychological and foreign policy phase		
1	Exerting psychological pressure on the foreign policy circuit through information and propaganda campaigns, ideological propaganda and diplomatic pressure	<ul style="list-style-type: none"> • The adoption of the US National Security Strategy and the US Defense Strategy, where China is designated the main challenge for the United States • Constant attention to the problem of human rights in Xinjiang and Tibet • N. Pelosi’s provocative visit to Taiwan • Promotion in the media of the idea of the expansionist and revanchist nature of the development of modern China
2	Training of alternative elites and leaders outside the target country, delegitimization of the current government	<ul style="list-style-type: none"> • Dissemination of materials about the so-called “Panamanian” offshore accounts of Xi Jinping, Hu Jintao, etc. • Continued support for Chinese dissidents — Guo Wengui, etc. • Spreading rumors in the media about the alleged forced expulsion of former Chinese President Hu Jintao from the XX meeting of the CPC • Manipulation of information in the media about the allegedly non-accidental death of former Premier of the State Council of the People’s Republic of China Li Keqiang, the resignations of former Foreign Minister Qin Gang and Defense Minister Colonel General Li Shangfu • Continuation of political, military and economic contacts with Taiwan
3	Creation of alliances, platforms, and formats of cooperation with countries that border the target country or are in the sphere of influence of the target country	<ul style="list-style-type: none"> • Development of the Indo-Pacific Concept • Creation of formats for the Trilateral Security Pact AUKUS (Australia, Great Britain, USA), Quadrilateral Security Dialogue QUAD (Australia, India, USA, Japan) • Creating prerequisites for NATO’s expansion into the Pacific region
4	Pushing third countries to intensify territorial disputes with the target country	<ul style="list-style-type: none"> • Encouraging the countries of the South China Sea (Philippines, Malaysia, Vietnam) to resolve the dispute over the Nine-dash line of the Chinese state border
The economic and social phase		
5	The pressure in the economic sphere, the imposition of financial and economic sanctions	<ul style="list-style-type: none"> • President Donald Trump’s initiation of a “trade war” with China • Adoption of a law banning the export and transfer of microchips and their production technologies to China
6	Undermining the main integral indicators of the economy and social stability and radicalization of sentiments through sabotage operations of a global nature	<ul style="list-style-type: none"> • Spreading the myth of the China threat in the media, dispersing anti-Chinese sentiment in the world • Exchange of mutual accusations of the deliberate spread of the COVID–19 virus

1	2	3
7	Creating force majeure conditions in countries where the target country promotes its foreign projects and / or forcing the target country to intensify activities in the foreign policy and military sphere (arms race, military exercises, etc.), destabilization in allied countries, as well as countries that supply the strategic resources	<ul style="list-style-type: none"> • A provocative policy that aggravated the conflict between Russia and Ukraine, which escalated to hot one (the beginning of Special military operation) • Encouraging conflicts and tensions in the Middle East through proxy forces • Withdrawal of troops from Afghanistan to destabilize the situation in Central Asia
A proxy phase		
8	The organization of armed groups of radicals who are aimed at seizing power in the country and their transition to active actions to destabilize the situation in the country	No implementation yet
9	The transfer of troops and military exercises on the borders of the state	No implementation yet
Hot conflict		
10	Establishment of an air, sea or land blockade of the target country	No implementation yet
11	A full-scale military invasion	No implementation yet
A post-conflict phase		
12	Conclusion and settlement of the conflict	No implementation yet
13	Consistent work with the losing side in all areas of the target country's national security to fit the aggressor country's goals (reforms of the conceptual and doctrinal subsystem, subsystem of forces, means and spheres, i.e., carrying out regulatory and language reforms, revisionism, etc.)	No implementation yet

Таким образом, можно сделать вывод, что конкретные шаги гибридного воздействия США в отношении системы безопасности КНР уже получают реальное воплощение и многие этапы уже пройдены. При этом китайско-американское противостояние в течение последнего десятилетия остается на той стадии, которая позволяет сторонам не подходить напрямую к острой фазе конфликта.

Заключение

Поскольку некоторые аспекты теории гибридной войны прослеживаются еще в трактате Сунь Цзы «Искусство войны», можно утверждать, что сама идея имманентна традиции китайской научной мысли. Сегодня в Китае понятие «гибридная война» стала пониматься как «неограниченная война» или «нетрадиционная угроза», «нетрадиционный вызов». В настоящее время гибридная война и в Китае, и на Западе, и в России воспринимается как явление, предполагающее наличие конфликтной ситуации между государствами или блоками государств, в которой одна сторона пытается навязать другой свою волю, принудить ее к исполнению определенных требований, нанести ей ущерб, добиться смены ее внешней и внутренней политики.

Для победы в гибридной войне могут использоваться механизмы оказания военной помощи отдельным странам, группировкам, экономические санкции, информационные и пропагандистские кампании, подкуп политических сил и движений, организация протестов и т.д. Основной задачей гибридной войны, по мнению китайских специалистов, является комплексное угнетение системы национальной безопасности, при этом гибридное воздействие оказывается на все подсистемы СОНБ.

На основе описанной модели поэтапного разворачивания гибридной войны между США и КНР можно сделать вывод, что конфликт между этими странами уже прошел фазы информационно-психологического, дипломатического противостояния и находится в фазе экономического и социального противодействия с вероятно предстоящей прокси-силовой и силовой фазами. Очевидно, что в Китае понимают происходящие события в этих категориях, и именно этим можно объяснить фокус внимания на национальной безопасности со стороны высшего партийно-политического руководства КНР. Ускорение построения надежной СОНБ «с китайской спецификой» рассматривается как приоритет ближайших лет работы для всех уровней партийного и государственного аппарата КНР.

Китай не только стремится создать надежную СОНБ, но и в свою очередь предпринимает попытки «мягкого» противодействия гибридному воздействию со стороны США: налаживание прямых контактов со странами ЕС, Центральной Азии, Африки, Ближнего Востока, Латинской Америки выстраивает альтернативные поставки энергоносителей и логистических сухопутных маршрутов, использует фактор специальной военной операции (СВО) как инструмент «переключения внимания» США и его союзников с Китая на Россию.

Поступила в редакцию / Received: 14.08.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 27.08.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.11.2023

Библиографический список

- Абрахимов Л.Г.* Идея «Великое возрождение китайской нации — Китайская мечта» Си Цзиньпина как идеологическая основа национальной безопасности Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 189–203. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-189-203>
- Ван Сяоцзюнь.* Анализ восприятия и применения доктрины «гибридной войны» российской армией // Современная война. 2016. № 8. С. 92–99. [王晓军《解析俄军对“混合战争”理论的认知于运用》, 载《现代军事》2016年第8期, 第92至99页].
- Дуань Цзюньцзе.* Практика российской гибридной войны и ее последствия // Современные международные отношения. 2017. № 3. С. 31–36. [段君泽《俄式“混合战争”实践及其影响》, 载《现代国际关系》2017年第3期, 第31至36页].
- Гао Кай, Чжао Линь.* «Гибридная война» — новый инструмент стратегической игры России // Военный сборник. 2019. № 13. С. 10–13. [高凯、赵林《“混合战争”-俄罗斯新战略博弈手段》, 载《军事文摘》2019年第13期, 第10至13页].
- Гареев М.А.* Характер будущих войн // Право и безопасность. 2003. № 1–2 (6–7). С. 23–31.
- Гареев М.А., Турко Н.И.* Война: современное толкование теории и реалии практики // Вестник Академии военных наук. 2017. № 1. С. 4–11.
- Го Ф.* Гибридная война в исследованиях ученых китайской народной Республики // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 1 (23). С. 140–151.
- Гончаренко А.Р.* Стратегии гибридной войны КНР: взгляд с Запада // Международная жизнь. 2022. № 7. С. 84–95.
- Клаузевиц К.* О войне: избранное. М.: АСТ, 2018.
- Коньшиев В., Парфенов Р.* Гибридные войны: между мифом и реальностью // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 12. С. 55–66.
- Манойло А.В.* Информационные войны и психологические операции: руководство к действию. М.: Горячая линия — Телеком, 2018.
- Манойло А.В., Гончаренко А.Р.* «Доктрина Герасимова»: российский ответ на западные концепции гибридной войны // Научные труды ученых 1 отделения — Отделения общих проблем войны, мира и армии Академии военных наук: 100-летию со дня рождения первого президента Академии военных наук посвящается. М.: НИЦ «Национальная безопасность», 2023. С. 80–89.
- Ма Цзяньгуан, Ли Юаньбин.* «Гибридная война» и ее характеристики: анализ с точки зрения российских ученых // Исследования по России, Восточной Европе и Центральной Азии. 2021. № 5. С. 21–36. [马建光、李元斌《“混合战争”及其特点: 俄罗斯学者视角的解析》, 载《俄罗斯东欧中亚研究》2021年第5期, 第21至36页].
- Модестов С.А.* Основопологающее понятие «война» в творческом наследии М.А. Гареева // Вестник Академии военных наук. 2023. № 2 (83). С. 49–54.
- Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / под общ. ред. А.С. Коржевского. М.: РГГУ, 2021.
- Репко С.И.* Гибридные войны США (1979–2017) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2017. № 1 (778). С. 156–165.
- Чжан Хуэй, Лю Цзюньбяо.* Изучение опыта «гибридной войны» для устранения угроз безопасности // China Defense News. 2017. № 22. [张晕、刘俊彪.《借鉴“混合战争”应对安全威胁》, 载中国国防报2017年第22版].
- Bukkvoll T., Østensen A.G.* The Emergence of Russian Private Military Companies: A New Tool of Clandestine Warfare // Special Operations Journal. 2020. Vol. 6, no 1. P. 1–17. <http://doi.org/10.1080/23296151.2020.1740528>
- Caliskan M.* Hybrid warfare through the lens of strategic theory // Defense & Security Analysis. 2019. Vol. 35, no 1. P. 40–58. <http://doi.org/10.1080/14751798.2019.1565364>

- Caliskan M., Liégeois M. The concept of ‘hybrid warfare’ undermines NATO’s strategic thinking: insights from interviews with NATO officials // *Small Wars & Insurgencies*. 2021. Vol. 32, no. 2. P. 295–319. <http://doi.org/10.1080/09592318.2020.1860374>
- La Chine communiste est-elle devenue une puissance dangereuse du temps de paix? Paris: Ecole Economique de Guere, 2020.
- Gould-Davies N. The Wagner Revolt: Implications for Russia, Lessons for the West // *Survival*. 2023. Vol. 65, no. 4. P. 25–30. <http://doi.org/10.1080/00396338.2023.2239053>
- Janičatová S., Mlejnková P. The ambiguity of hybrid warfare: A qualitative content analysis of the United Kingdom’s political–military discourse on Russia’s hostile activities// *Contemporary Security Policy*. 2021. Vol. 42, no. 3. P. 312–344. <http://doi.org/10.1080/13523260.2021.1885921>
- Kormych B., Malyarenko T. From gray zone to conventional warfare: the Russia-Ukraine conflict in the Black Sea // *Small Wars & Insurgencies*. 2023. Vol. 34, no. 7. P. 1235–1270. <http://doi.org/10.1080/09592318.2022.2122278>
- Larsen K.P. From mercenary to legitimate actor? Russian discourses on private military companies // *Post-Soviet Affairs*. 2023. Vol. 39, no. 6. P. 420–439 <http://doi.org/10.1080/1060586X.2023.2247782>
- Libiseller C. ‘Hybrid warfare’ as an academic fashion // *Journal of Strategic Studies*. 2023. Vol. 46, no. 4. P. 858–880. <http://doi.org/10.1080/01402390.2023.2177987>
- Mälksoo M. Countering hybrid warfare as ontological security management: the emerging practices of the EU and NATO // *European Security*. 2018. Vol. 27, no. 3. P. 374–392. <http://doi.org/10.1080/09662839.2018.1497984>
- Muradov I. The Russian hybrid warfare: the cases of Ukraine and Georgia // *Defense Studies*. 2022. Vol. 22, no. 2. P. 168–191. <http://doi.org/10.1080/14702436.2022.2030714>
- Potočňák A., Mareš M. Russia’s Private Military Enterprises as a Multipurpose Tool of Hybrid Warfare // *The Journal of Slavic Military Studies*. 2022. Vol. 35, no. 2. P. 181–204. <http://doi.org/10.1080/13518046.2022.2132608>
- Renz B. Russia and ‘hybrid warfare’ // *Contemporary Politics*. 2016. Vol. 22, no. 3. P. 283–300. <http://doi.org/10.1080/13569775.2016.1201316>
- Suchkov M.A. Whose hybrid warfare? How ‘the hybrid warfare’ concept shapes Russian discourse, military, and political practice // *Small Wars & Insurgencies*. 2021. Vol. 32, no. 3. P. 415–440. <http://doi.org/10.1080/09592318.2021.1887434>

References

- Abdrakhimov, L.G. (2023). Xi Jinping’s “The Great Rejuvenation of the Chinese Nation — Chinese Dream” as an Ideological Basis for the National Security of China. *RUDN Journal of Political Science*, 25(1), 189–203. (In Russian). <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-189-203>
- Bukkvoll, T., & Østensen, Å.G. (2020). The emergence of Russian private military companies: A new tool of clandestine warfare. *Special Operations Journal*, 6(1), 1–17. <http://doi.org/10.1080/23296151.2020.1740528>
- Caliskan, M., & Liégeois, M. (2021). The concept of ‘hybrid warfare’ undermines NATO’s strategic thinking: Insights from interviews with NATO officials. *Small Wars & Insurgencies*, 32(2), 295–319. <http://doi.org/10.1080/09592318.2020.1860374>
- Caliskan, M. (2019). Hybrid warfare through the lens of strategic theory. *Defense & Security Analysis*, 35(1), 40–58. <http://doi.org/10.1080/14751798.2019.1565364>
- Clausewitz, K. (2018). *On war*. Moscow: AST. [Clausewitz, K. (1832). *On war*.]
- Duan, Junjie. (2017). The practice of Russian hybrid warfare and its consequences. *Modern international relations*, 3, 31–36. (In Chinese).

- EGE (2020). *La Chine communiste est-elle devenue un puissance dangereuse du temps de paix?* Paris: Ecole Economique de Gueree.
- Gao, Kai, & Zhao, Lin. (2019). “Hybrid War” is a new tool of Russia’s strategic game. *Military collection*, 13, 10–13. (In Chinese).
- Gareev, M.A. (2003). The nature of future wars. *Law and security*, 1–2(6–7), 23–31. (In Russian).
- Gareev, M.A., & Turko, N.I. (2017). War: A modern interpretation of theory and the realities of practice. *Bulletin of the Academy of Military Sciences*, 1, 4–11. (In Russian).
- Go, Fainglee. (2022). Chinese scholars’ research on hybrid warfare. *Citizen. Elections. Power*, 1(23), 140–151. (In Russian).
- Goncharenko, A.R. (2022). Strategies of the hybrid war of the PRC: A view from the West. *The International Affairs*, 7, 84–95. (In Russian).
- Gould-Davies, N. (2023). The Wagner revolt: Implications for Russia, lessons for the West. *Survival*, 65(4), 25–30. <http://doi.org/10.1080/00396338.2023.2239053>.
- Janičatová, S., & Mlejnková, P. (2021). The ambiguity of hybrid warfare: A qualitative content analysis of the United Kingdom’s political–military discourse on Russia’s hostile activities. *Contemporary Security Policy*, 42(3), 312–344. <http://doi.org/10.1080/13523260.2021.1885921>.
- Konyshev, V., & Parfenov, R. (2019). Hybrid wars — between myth and reality. *World Economy and International Relations*, 63(12), 56–66. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66>
- Kormych, B., & Malyarenko, T. (2023). From gray zone to conventional warfare: The Russia-Ukraine conflict in the Black Sea. *Small Wars & Insurgencies*, 34(7), 1235–1270. <http://doi.org/10.1080/09592318.2022.2122278>.
- Korzhevsky, A.S. (Ed.) (2021). *Predicted challenges and threats to the national security of the Russian Federation and the directions of their neutralization*. Moscow: RSUH. (In Russian).
- Larsen, K.P. (2023). From mercenary to legitimate actor? Russian discourses on private military companies. *Post-Soviet Affairs*, 39(6), 420–439. <http://doi.org/10.1080/1060586X.2023.2247782>.
- Libiseller, C. (2023). ‘Hybrid warfare’ as an academic fashion. *Journal of Strategic Studies*, 46(4), 858–880. <http://doi.org/10.1080/01402390.2023.2177987>.
- Ma, Jianguang, & Li, Yuanbing. (2021). “Hybrid war” and its characteristics: An analysis from the point of view of Russian scientists. *Studies in Russia, Eastern Europe and Central Asia*, 5, 21–36. (In Chinese).
- Mälksoo, M. (2018). Countering hybrid warfare as ontological security management: The emerging practices of the EU and NATO. *European Security*, 27(3), 374–392. <http://doi.org/10.1080/09662839.2018.1497984>.
- Manoylo, A.V. (2018). *Information wars and psychological operations. A guide to action*. Moscow: Hotline — Telecom. (In Russian).
- Manoylo, A.V., & Goncharenko, A.R. (2023). “The Gerasimov’s Doctrine”: The Russian response to Western concepts of hybrid warfare. In *Scientific works of scientists of the 1st department — Department of General Problems of War, Peace and the Army of the Academy of Military Sciences: dedicated to the 100th anniversary of the birth of the first President of the Academy of Military Sciences* (pp. 80–89). Moscow: National Security. (In Russian).
- Modestov, S.A. (2023). The fundamental concept of “war” in the creative heritage of M.A. Gareev. *Bulletin of the Academy of Military Sciences*, 2(83), 49–54. (In Russian).
- Muradov, I. (2022). The Russian hybrid warfare: The cases of Ukraine and Georgia. *Defence Studies*, 22(2), 168–191. <http://doi.org/10.1080/14702436.2022.2030714>
- Potočňák, A., & Mareš, M. (2022). Russia’s private military enterprises as a multipurpose tool of hybrid warfare. *The Journal of Slavic Military Studies*, 35(2), 181–204. <http://doi.org/10.1080/13518046.2022.2132608>

- Renz, B. (2016). Russia and ‘hybrid warfare’. *Contemporary Politics*, 22(3), 283–300. <http://doi.org/10.1080/13569775.2016.1201316>
- Репко, S.I. (2017). Hybrid wars of the USA (1979–2017). *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences*, 1(778), 156–165. (In Russian).
- Suchkov, M.A. (2021). Whose hybrid warfare? How ‘the hybrid warfare’ concept shapes Russian discourse, military, and political practice. *Small Wars & Insurgencies*, 32(3), 415–440. <http://doi.org/10.1080/09592318.2021.1887434>
- Wang, Xiaojun. (2016). Analysis of the perception and application of the doctrine of “hybrid warfare” by the Russian army. *Modern warfare*, 8, 92–99. (In Chinese).
- Zhang, Hui, & Liu, Junbiao. (2017). Studying the experience of “hybrid warfare” to eliminate security threats. *China Defense News*, 22. (In Chinese).

Сведения об авторах:

Абдрахимов Леонид Гимадитдинович — соискатель кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (e-mail: van.leonid@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7703-5218) (SPIN-код: 5183-2520)

Ликсок Алина Омаровна — слушатель Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ (e-mail: arinalabibi@gmail.com) (ORCID: 0009-0008-0740-2543)

About the authors:

Leonid G. Abdrakhimov — postgraduate of the Comparative Political Science Department, RUDN University (e-mail: van.leonid@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7703-5218) (SPIN-code: 5183-2520)

Alina O. Liksok — a trainee of the Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation (e-mail: arinalabibi@gmail.com) (ORCID: 0009-0008-0740-2543)